
ЕЖЕГОДНИК

*Дома русского зарубежья
имени
Александра Солженицына*

2019

МОСКВА
Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
2019

М.Ю. Сорокина

РОМАН ЯКОБСОН В ПРАГЕ: ДЕЛА ЮГОСЛАВСКИЕ

В июне 1955 г. выдающийся лингвист и филолог Роман Осипович Якобсон (1896–1982) был избран членом-корреспондентом Сербской академии наук и искусств (САНИ)¹. В сентябре того же года он, профессор Гарвардского университета (США), посетил Белград, где впервые после Второй мировой войны состоялся Международный съезд славистов. Небольшая переписка Якобсона с президентом САНИ, выдающимся сербским славистом Александром Беличем (1876–1960), недавно опубликованная в Белграде, охватывает 1938–1958 гг. [От чужих к своим 2016, с. 307–316], но носит преимущественно официальный характер. Между тем непосредственные контакты русского филолога с представителями научной, дипломатической и политической элиты Королевства сербов, хорватов и словенцев (далее — КСХС) начались значительно раньше и были несравнимо более разнообразными.

Романа Якобсона многое связывало с КСХС, и в частности с Сербией, в межвоенный период — прежде всего его многолетний научный интерес к народному эпическому творчеству и народному стихосложению, сотрудничество с сербскими филологами, попытки создать Славянский институт в СССР², а также участие во второй половине 1920-х гг. в международном проекте по изучению живого эпического сказительского мастерства на Балканах и в СССР. Инициированный профессором Немецкого университета Карла Фердинанда в Праге Герхардом Геземанном (Gesemann; 1888–1948), этот проект предполагал изучение «живых славянских эпосов» в перспективе исследования европейских эпических произведений в целом, однако не был осуществлен в задумывавшемся масштабе [Бахтина 1993, с. 297–309, 322–323; 2015]. Докторская диссертация Якобсона «Über den Versbau der serbokroatischen Volkseren», защищенная в том же университете в 1930 г. под руководством другого известного слависта, профессора Франца Спины (Spina; 1868–1938), также была посвящена строению стихов сербско-хорватского народного эпоса. Интенсивное сотрудничество филолога с пражскими балканистами продолжилось и в рамках Немецкого общества славянских исследований и его печатного органа — журнала «Славянское обозрение» («Slavische Rundschau. Berichtende und kritische Zeitschrift für das geistige Leben der slavischen Völker»),

¹ Подробнее об этом см. статью Р. Радженович в наст. разделе.

² См. мою статью об этом в наст. изд., в разделе, посвященном юбилею профессора Ф.Б. Полякова.

возглавлявшихся профессорами Геземанном и Спиной [Автономова 2009; Марченко 2016].

Однако, помимо научных связей и проектов, была еще одна сфера пересечения Романа Якобсона с Югославией, которая никогда не рассматривалась в историографии, — активное участие филолога, в 1920-е гг. сотрудника советского полпредства в Праге, в неформальных переговорах с целью установления дипломатических отношений между советской Россией и КСХС. Эти попытки пока мало известны в историографии, которая традиционно придерживается тезиса о монархичности как основе безусловной поддержки русских «белых» беженцев этим государством (что, несомненно, справедливо), хотя недавняя работа Н.Н. Станкова, базирующаяся на документах Архива внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ) МИД РФ, показывает, что ситуация была куда амбивалентнее — диалог между королевским правительством в Белграде и советской Россией пытались начинать уже в годы Гражданской войны [Станков 2018, с. 153]³. В 1920-е гг. эти попытки приобрели достаточно интенсивный и систематический характер с обеих сторон. О них знали немногие посвященные, тем не менее один из учителей Якобсона, его друг и коллега, член-корреспондент РАН Н.Н. Дурново (1876–1937), до 1928 г. живший в Чехословакии, был в курсе участия Якобсона в таких переговорах. В августе 1934 г. в ходе следствия по делу «Русской национальной партии» Дурново рассказывал: «Хотя коммунизму Якобсон тогда не сочувствовал, но к своим обязанностям в советском полпредстве относился <...> добросовестно и с некоторым энтузиазмом. <...> Встречаясь часто с чехословацкими и югославскими дипломатами, он в беседе с ними проводил мысль о необходимости установления правильных дипломатических отношений Чехословакии и Югославии с СССР» [Ашнин, Алпатов 1994, с. 11–12].

Это поразительное свидетельство, приоткрывающее еще одну неожиданную сторону «ненаучной» биографии и деятельности Р.О. Якобсона в 1920-е гг., до сих пор не привлекало внимания исследователей, хотя в историографии накопилось уже немало материалов о Якобсоне — сотруднике советского полпредства в Чехословакии. В самые последние годы этот сюжет о «дипломате поневоле» получил интенсивное документальное развитие в работах [Гланц 1999; Сорокина 2000; Робинсон 2004; Генис 2009; Копеční, Polley 2014/2015; Сорокина 2016; Стайнер 2018], встретившись с давно обозначенной Н.С. Автономовой и М.Л. Гаспаровым проблемой взаимосвязи социальных и научных проектов Якобсона как важнейшего инструмента коммуникаций не только самого ученого, но шире — славистического научного сообщества послевоенной Европы XX в. ([Автономова Гаспаров 1999; Автономова 2009]; см. также: [Жацис, Одесский 2011]). Большая политика и большая славистика в XX столетии — тема, еще ждущая своих исследователей.

Важнейшим и нередко единственным опубликованным источником о бурной «параллельной» жизни молодого «советского спеца» оставалось его мемуарное интервью Б. Янгфельдту 1977 г., содержащее многие неизвестные и неожиданные

³ Еще 18 августа 1920 г., когда войска генерала П.Н. Врангеля находились в Крыму, советские представители в Лондоне вступили в переговоры с министром иностранных дел А. Трумбичем, вскоре прекращенные по распоряжению председателя правительства КСХС М. Весничя.

факты многолетнего тесного сотрудничества Яacobсона с советским Народным комиссариатом иностранных дел [Яacobсон 2012, с. 21–112]. Между тем документы собственно АВП РФ МИД РФ⁴, сопровождавшие «советскую» карьеру филолога, оставались почти неисследованными, за исключением комплекса материалов, связанных с его инициативой по приглашению в 1925 г. на юбилей АН СССР президента Чехословакии Томаша Г. Масарика (Masaryk; 1850–1937) [Сорокина 2000]. В рамках настоящей статьи, опираясь на выявленные документы из АВП РФ МИД РФ, мы затронем некоторые эпизоды «пражской» деятельности Р.О. Яacobсона, относящиеся к его участию в организации предварительных переговоров по установлению дипломатических отношений между СССР и КСХС в середине 1920-х гг.

«СОВЕРШЕННО ЧУЖДЫЙ <...> ПО ДУХУ,
СОВЕРШЕННО ЛОЯЛЬНЫЙ ПО ОТНОШЕНИЮ К НАМ»

Как известно, Роман Яacobсон приехал в Прагу из Ревеля (Эстония) 10 июля 1920 г. в качестве официального сотрудника миссии советского Красного Креста по репатриации бывших русских военнопленных Первой мировой войны, которую возглавлял в прошлом врач и активный деятель Бунда, а теперь большевик Соломон Исидорович Гиллерсон (1869–1939). Миссия исполняла функции первого советского представительства в Чехословакии, не имевшей в то время дипломатических отношений со страной побеждавшего большевизма, а несколько позднее трансформировалась в советскую торговую миссию с консульскими функциями⁵.

Отъезду миссии из Ревеля предшествовало несколько телефонограмм наркома иностранных дел Г.В. Чичерина полпреду в Эстонии И.Э. Гуковскому, в которых подчеркивалась важность миссии Гиллерсона для прорыва дипломатической блокады советской России: «Мы очень дорожим возобновлением отношений с Чехословакией»⁶. 20 июня 1920 г. телеграмма Чичерина с извещением о грядущем выезде миссии в Прагу в составе семи человек была отправлена и министру иностранных дел Чехословакии Э. Бенешу: «Секретарь Кузьмин Geraut Левин Buraliste Вишневский Agent pour commissions Jacobson Стенографистка Гуляновская Ждут разрешения на выезд»⁷. Однако реально они выехали в Германию⁸ только 3 июля, о чем Чичерину докладывал все тот же Гуковский: «Только что отбыл в Штеттин на пароходе Гиллерсон и его сотрудники кроме Левина и Якубсона⁹ не

⁴ Моя самая искренняя благодарность руководителям Историко-документального департамента МИД РФ и сотрудникам Архива внешней политики РФ МИД РФ, благодаря профессиональному и благожелательному содействию которых стала возможной моя работа в этом важнейшем для истории отечественной науки архиве.

⁵ Дипломатические отношения между СССР и ЧСР были установлены только в 1934 г.

⁶ АВП РФ. Ф. 138. Оп. 3. Папка 2. Д. 13. Л. 1.

⁷ Там же. Л. 43–43 об. (на бланке наркома, автограф Г.В. Чичерина).

⁸ Маршрут миссии пролегал через Германию: Штеттин — Берлин — Боденбах.

⁹ Так в тексте.

успевших заручиться разрешением эстонского правительства на выезд из Эстонии <...> Яacobсон и Левин выедут завтра»¹⁰.

10 июля 1920 г. в 16.32 поезд из Берлина, в котором находилась советская миссия, прибыл на пражский вокзал Вудро Вильсона [Стайнер 2018, с. 14]. Миссия временно расположилась в центре города в отеле «Империял», вскоре часть ее переехала в здание Красного Креста Чехословакии на улице Некланова в районе Вышеграда, и с этого момента чешская полиция начала неусыпное наблюдение за всеми ее сотрудниками.

После приезда в Прагу Роман Яacobсон, единственный член миссии, владевший чешским языком, покинул ее в конце октября 1920 г., чтобы стать студентом философского факультета Карлова университета¹¹. С точки зрения статусного академического сообщества он приехал в Прагу никем — рядовым выпускником Московского университета и остро нуждался в подтверждении своего образования чехословацким университетом. Хотя факультет принял его документы, русские профессора-эмигранты (прежде всего В.А. Францев) сумели воспрепятствовать официальному зачислению «советского чиновника из миссии» и Яacobсону разрешили приходить только на курсы преподавателей, давших свое согласие на такое посещение. Вероятно, жесткая обструкция со стороны влиятельной элиты русского эмигрантского сообщества и стала одной из причин того, что 5 октября 1921 г. Р.О. Яacobсон официально «оформился» в пражском Земгоре¹² как «русский эмигрант» [Сорокина 2018].

Благодаря недавней публикации донесений пражской полиции известно, что, несмотря на уход из миссии, и зимой 1920 г., и в 1921 г. Р.О. Яacobсон «постоянно бывал в советском полпредстве, почти каждый день общаясь с его членами до самого вечера» (цит. по: [Стайнер 2018, с. 16]). По справедливому замечанию П. Стайнера, пока остается не вполне понятным, в какой мере Яacobсон прекратил работать на НКВД в указанный период.

Документы АВП РФ не дают однозначного ответа на этот вопрос, но, судя по многочисленным косвенным данным, Яacobсон никогда не прерывал неформальные контакты с миссией. И как только в мае 1922 г. в Прагу приехал новый полпред — Павел Николаевич Мостовенко (1881–1938), сотрудничество Романа Яacobсона с советскими представителями возобновилось в полном объеме. Он занял штатную должность «корреспондента», круг обязанностей которого был чрезвычайно широк и разнообразен, — информировать полпреда и связанные с миссией учреждения о политическом «курсе» местной прессы и Малой Антанты¹³; снабжать местные газеты информацией о советской России и ее планах; под-

¹⁰ АВП РФ. Ф. 138. Оп. 3. Папка 2. Д. 13. Л. 36.

¹¹ Некий товарищ Салат из Берлина подтверждал в письме в НКВД от 10 ноября 1920 г., что «единственный член миссии, владеющий чешским языком, товарищ Яacobсон, беспартийный, ушел из миссии и записался студентом в Пражский университет. В миссии больше не работает» (АВП РФ. Ф. 138. Оп. 3. Папка 2. Д. 13. Л. 14).

¹² Объединение российских земских и городских деятелей в Чехословацкой республике — орган белой эмиграции.

¹³ Малая Антанта — политический союз Чехословакии, Румынии и Югославии в 1920–1938 гг.

держивать связи между миссией и корреспондентами местных газет; писать материалы по заданию полпреда в заграничные и российские органы печати; снабжать местные газеты материалами для «статей на интересные нам темы», а также материалами для интервью; наконец, «выполнение отдельных, связанных с прессой и литературными кругами заданий»¹⁴. По сути, это была очень напряженная работа красного пресс-атташе — доверенного коммуникатора и/или «агента влияния», имевшего доступ ко многим сокровенным и закулисным сторонам пропагандистской деятельности советской миссии.

Полпред Мостовенко высоко оценивал работу Якобсона в этой должности и докладывал в НКВД, что «очень хорошо» сработался с ним и что он «исключительно работоспособный и очень большой добросовестности в работе» сотрудник. Тем не менее старый большевик называл Якобсона «типичным спецом <...>, которого прежде всего необходимо держать в руках»¹⁵. Когда же осенью 1922 г. выяснилось, что ввиду бюджетного сокращения должность «корреспондента» передается из миссии в штат Российского телеграфного агентства (РОСТА), полпред приложил все усилия, чтобы «не уступить Якобсона...». Он писал в Москву, что потеря корреспондента срывает работу всей миссии и «нам совершенно невозможно отказаться от <его> работы»¹⁶, просил пересмотреть решение и, наконец, 29 декабря обратился с письмом-протестом в Коллегию НКВД, где обосновывал незаменимость Якобсона как «политического референта»¹⁷.

Любопытно, что Мостовенко ни разу не упомянул в этом письме в качестве аргумента важности Якобсона для миссии знание им чешского языка и настаивал именно на его деловых качествах. Несколько позже в письме заместителю наркома иностранных дел М.М. Литвинову от 15 февраля 1923 г. полпред специально отметил «твердую репутацию» Якобсона как «друга чешского народа», во время службы в полпредстве выпустившего в свет «серьезную научную работу по исследованию чешского языка и приготовившего к печати следующую»¹⁸.

Своим демаршем Мостовенко не только «отбил» корреспондента, но и добился того, что Якобсон стал официально именоваться заведующим отделом печати полпредства. Сменивший Мостовенко в марте 1923 г. Константин Константинович Юренев (1888–1938) в «Дневнике полпреда» записал 15 марта свои первые впечатления от встречи с филологом: «...молодой, умный, проходимистый парень. Беспартийный. Имеет огромные связи с журналистами и здешним обществом. Очень ценный работник». Как и его предшественник, Юренев также весьма функционально отнесся к своему референту: «К сожалению, доверить ему полностью я не рискнул бы. Условился с ним насчет нашей дальнейшей работы. Он будет еже-

¹⁴ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. Д. 53943. Папка 275. Л. 60.

¹⁵ Там же. Л. 56.

¹⁶ Там же. Л. 56 (письмо от 14 декабря 1922 г.).

¹⁷ Там же. Л. 110–110 об.

¹⁸ Там же. Л. 104 об. Речь идет о работе «О чешском стихе, преимущественно в сопоставлении с русским» ([Берлин], 1923).

дневно делать мне общий обзор прессы, раз в неделю составлять “Бюллетень” — обзор печати»¹⁹.

В тот же день в письме М.М. Литвинову полпред заявил, что

в дальнейшем предстоит замена нынешнего заведомо печати т. Якобсона. Он не свой человек и слишком давно пребывает за границей. Кроме того, т. Якобсон человек широкого размаха и несмотря на то, что отделы печати ликвидированы уже во всех постпредствах, он ухитрился сохранить в Праге аппарат отдела в составе 4 человек. Я принимаю меры к ликвидации пережитка. Эта мера будет иметь своим последствием отягощение т. Якобсона новой работой (кстати, он не любит себя переутомлять) и возможны недоразумения с ним на этой почве. <...> Касаясь же существа работы отдела печати, — надо признать ее вполне удовлетворительной²⁰.

Эта последняя оценка вскоре перевесит желание «ликвидировать пережитки». Пройдет два месяца, и Юренив будет просить руководство НКВД оставить Якобсона в Праге хотя бы сверхштатным сотрудником, а в декабре 1923 г. выдвинет проект создания нового отдела печати при полпредстве во главе все с тем же «спецом»²¹. Когда же весной 1924 г. и полпред Юренив покинет Прагу, а Управление делами НКВД захочет «перебросить тов. Якобсона в СССР», временно исполнявший обязанности полпреда С.С. Александровский в очередной раз будет настаивать об оставлении филолога в миссии, указывая, что хотя Якобсон «совершенно чуждый нам по духу человек», однако «совершенно лояльный по отношению к нам <...> и сознательно не сделает ничего идущего во вред нам или вразрез с нашими интересами»²².

Все лето и осень 1924 г. в центральном аппарате НКВД в Москве обсуждали, что делать с «незаменимым» и непотопляемым пресс-атташе. В июле Коллегия НКВД постановила «предупредить» нового полпреда Владимира Александровича Антонова-Овсеенко (1883–1938), что «т. Якобсон лишь временно оставляется в Праге»; в октябре она же собиралась отправить на его место нового сотрудника, но так, чтобы «тов. Якобсон продолжал числиться штатным сотрудником Постоянного представительства»²³. Роман Якобсон был полностью в курсе происходящего и отлично знал о зыбкости своего положения; он писал Н.Н. Дурново: «На службе: снова пришло требование из Москвы о моем устранении, о том же сообщает П.²⁴ Антонов отбивается, но это не может вечно продолжаться. В Россию не поеду, здесь не устроиться, остается, по английской поговорке, пойти в сад и есть червячков» [Letters and Other Materials 1994, p. 83].

¹⁹ Там же. Д. 53958. Папка 276. Л. 1–2 (Дневник полпреда).

²⁰ Там же. Д. 53952. Папка 275. Л. 22.

²¹ Там же. Д. 53992. Папка 279. Л. 7.

²² Там же.

²³ Там же. Л. 7 об.

²⁴ Видимо, Ярослав Папоушек (1890–1945), чехословацкий историк и многолетний сотрудник МИД.

«ПОСЛАТЬ ИНФОРМАТОРА В ЮГОСЛАВИЮ...»

Упомянутый среди имен высших руководителей Чехословакии и других постоянных информантов Якобсона Стево Ключич (Клуич)²⁶ занимал в посольстве Королевства СХС в Праге положение, аналогичное его советскому собеседнику, — он именовался «корреспондентом» и пресс-атташе миссии в Праге до февраля 1927 г. (с коротким перерывом)²⁷. Несмотря на отсутствие дипломатических отношений между КСХС и СССР, рабочие контакты между сотрудниками дипломатических миссий одного уровня — обычная практика, и два пресс-атташе регулярно встречались в кафе, где бывала вся литературная Прага²⁸. Главным содержанием их бесед, как видно из «дневников» советских полпредов, в которых в обязательном порядке фиксировались все встречи сотрудников миссии, было обсуждение возможности установления дипломатических отношений между КСХС и СССР, а также актуальных международных событий.

Впервые имя Стевана Ключича появляется в «Дневнике полпреда» К.К. Юрнева в сентябре 1923 г. в связи с перспективой прямых югославо-советских переговоров в Берлине «не позднее конца октября» этого года. Уже тогда полпред пронизательно заметил, что Ключич «умный человек, но, несомненно, глубоко продажный. Я уверен, что он помимо службы своему королю служит еще и Минделу Чехословацкой Республики»²⁹.

Тем не менее контакты продолжались, и 5 ноября полпред сделал еще одну запись:

Сегодня Ключич убедительно просил Якобсона повидаться с ним для разговора по интересующему обе стороны вопросу. Я разрешил Якобсону пойти на свидание, поручив ему дать понять югославам, что после первого сообщения Ключича о том, что Югославия сейчас не может вести серьезные переговоры с нами, всякие словопрения на эту тему окончательно отпадают.

Разговор записываю в дневник так, как мне доложил о нем Якобсон: «По словам Ключича, <...> в числе вопросов, которые Пашич³⁰ поручил Нешичу³¹ уладить в Праге, стоит и русский вопрос. Нешич должен довести до решительной фазы переговоры с Россией. Пашич хочет иметь договор, но хочет иметь его сам, и сам непосредственно через Нешича направлять ход переговоров»³².

²⁶ В документах АВП РФ везде используется фамилия Ключич, частая в Сербии, хотя ее оригинальное написание — Kluić и было бы правильнее транслитерировать как Клуич. Благодарю профессора И. Антанасиевич за эту консультацию.

²⁷ Приношу самую глубокую благодарность Р. Радженович за предоставленные сведения о С. Ключиче, основанные на его «Послужном списке», из фонда Министерства иностранных дел (АЮ).

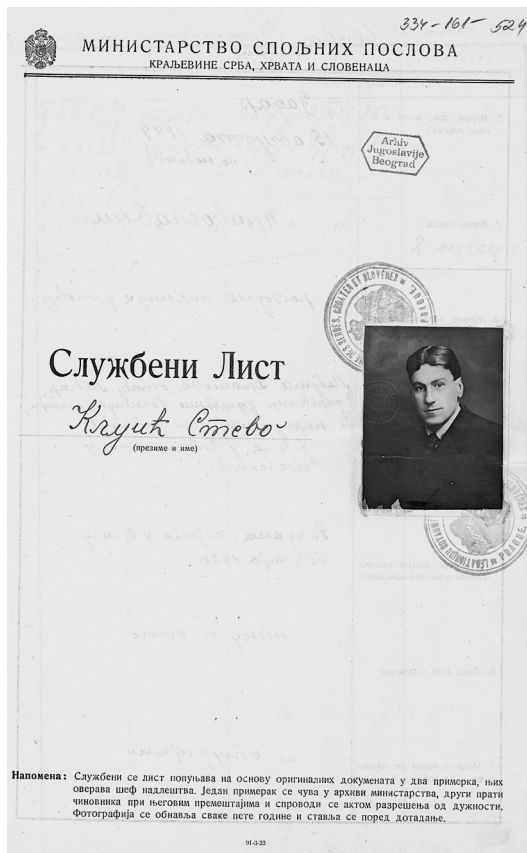
²⁸ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. Д. 53959. Папка 276. Л. 161–162.

²⁹ Там же. Л. 12. См. также: [Национальный вопрос 2000].

³⁰ Никола Пашич (1845–1926) — выдающийся сербский и югославский политик, премьер-министр КСХС в 1918, 1921–1924, 1924–1926 гг.

³¹ Люба Нешич — посол КСХС в Чехословакии.

³² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. Д. 53959. Папка 276 (Секретный архив НКВД 1923 Архив Чичерина) Л. 103.

С. Ключич. Обложка личного дела. <Не ранее 1928 г.> АЮ

что на всем протяжении 1923–1927 гг. Роман Яacobсон находился в эпицентре центрально- и юго-восточной (как минимум) европейской политики и был осведомлен о многих ее закулисных событиях так, как, пожалуй, ни один другой «спец» из России/СССР. Более того, он оказался приемлем в роли доверителя и парламентаря, альтернативного канала информации для многих сторон, в том числе советской и югославской.

История несостоявшейся встречи премьер-министра королевского правительства Николы Пашича с заместителем наркома иностранных дел СССР М.М. Литвиновым летом 1926 г., в организации которой Р.О. Яacobсон играл не последнюю роль, — яркое подтверждение этого тезиса.

Эти записи только начинают фиксацию встреч Ключича и Яacobсона, происходивших с разной частотой и интенсивностью, при разных советских полпредах на протяжении всего периода 1923–1927 гг., в ходе которых они обменивались информацией по всему спектру двусторонней и международной проблематики — от положения дел в Малой Антанте до внутривнутриполитических проблем Чехословакии. Обмен, по-видимому, был настолько взаимопользным, что уже 19 ноября 1924 г. Ключич даже передал приглашение советским дипломатам «послать информатора в Югославию, напирая на Яacobсона» и обещая, что последний будет принят «Пашичем, Нинчичем³³ и др. руководящими политиками»³⁴.

Тем не менее в какой мере каждая из сторон (да и сколько их было!?) была заинтересована в достижении определенного результата и использовала для контригры и/или дезинформации своих прессатташе — вопрос самостоятельного исследования. Для нас важно то,

³³ Нинчич Момчило (1876–1949) — министр иностранных дел КСХС (1921–1926), председатель Лиги Наций в 1926 г.

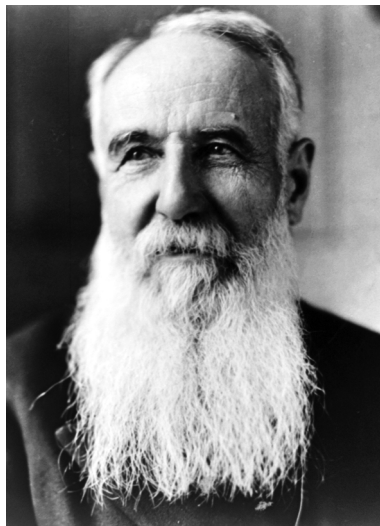
³⁴ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. Д. 53973. Папка 278. Т. 3. Л. 149–150 (Дневник полпредаства).

Она стартовала 10 июня 1926 г., когда С. Ключич сообщил Р. Якобсону, что премьер-министр КСХС Н. Пашич, находившийся в Карлсбаде³⁵, хочет встретиться здесь с М.М. Литвиновым для обсуждения возможности нормализации отношений с СССР³⁶. Одновременно, как бы в знак подтверждения серьезности намерений югославской стороны в отношении СССР, С. Ключич предложил устроить поездку Р. Якобсона на весьма закрытую конференцию Малой Антанты, проходившую в словенском Бледе³⁷.

На следующий день, 11 июня, уже сам советский полпред В.А. Антонов-Овсеенко виделся с послом КСХС в Праге Л. Нешичем, который также сообщил ему о намерении премьера Н. Пашича в скорейшем времени установить «нормальные отношения» с СССР³⁸. Информирова наркома Г.В. Чичерина об этой встрече, В.А. Антонов-Овсеенко писал о своем впечатлении, что «Нешич искренно работает над сближением Югославии с нами и, в частности, что идея о свидании Пашича с Литвиновым возникла именно у него и, может быть, еще не вполне усвоена Пашичем»³⁹.

Уже 13 июня В.А. Антонов-Овсеенко встретился с М.М. Литвиновым, который посчитал «полезным свидеться с Пашичем — на нейтральной почве и после Бледской конференции Малой Антанты»⁴⁰. По словам полпреда, Литвинов «признал желательной поездку Якобсона в качестве представителя советской печати в Блед на время конференции»⁴¹. К сожалению, мы не располагаем пока сведениями о том, состоялась ли эта поездка Романа Якобсона в КСХС. Но из переписки В.А. Антонова-Овсеенко с наркомом Г.В. Чичериным понятно, что у планировавшейся акции было немало противников в самом советском НКВД и, несомненно, за его пределами тоже.

Письмо В.А. Антонова-Овсеенко от 26 июня столь важно и интересно для понимания алгоритма советской позиции в отношении КСХС, что мы приведем значительные выдержки из него; полпред писал:

Никола Пашич. <1919 г.>
Википедия

³⁵ Ныне Карловы Вары, Чехия.

³⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. Д. 53997. Папка 279. Л. 117.

³⁷ Там же. Л. 119.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. Л. 121.

⁴⁰ Там же. Л. 123.

⁴¹ Там же. Интересно, что здесь же В.А. Антонов-Овсеенко отметил, что «М<аксим> М<аксимович> подтвердил <...>, что т. Раковский добивается перевода Якобсона к нему». В это время Х.Г. Раковский (1873–1941), с которым Р. Якобсон был знаком еще с 1918 г., участвуя в подготовке документов для переговоров с гетманом П.П. Скоропадским, возглавлял советское посольство в Париже.

Очень опасаясь, что момент упущен и проектированное свидание М.М. Литвинова с Пашичем не сможет состояться — разъедутся. <...> Считаю, что неиспользование нами предложения, исходившего от пашичевских кругов, было ошибкой. <...> Мне кажется, что Вы принимаете слишком на веру сообщения тех, кто считает Пашича твердокаменным, совершенно негибким политиком, застывшим на довоенных концепциях. Вы также, как будто, преувеличили значение проектированного свидания для упрочения личной позиции Пашича <...>. С точки зрения великосербского империализма, Пашич — это элемент консолидации. Радич и вся «демократическая оппозиция» — элемент антигосударственный. Раздоры в стане империалистском не столь глубоки, чтобы обещать распад этого стана и при нынешней слабости революционных партий торжество «демократии».

Велико-сербянский империализм, представленный Пашичем, конечно, легче, чем, например, хорватский национализм, мирится с политикой Италии в Адриатике и без труда направляем в своих аспирациях в сторону Солуни. Но ему все же не по нутру окончательное подчинение итальянской указке, и он всерьез мечтает об усилении на Балканах «славянского» (точнее русского) влияния в противовес итальянскому.

Мне думается, что нас не дезинформируют, говоря о стремлении Индел СХС, еще до ангажирования в новые комбинации (скорее всего, с Италией), упрочить свои отношения с «новой Россией».

Объяснять согласие Пашича, по предложению Нешича — Нинчича, свидетельствуя с т. Литвиновым простым желанием Пашича использовать в своей личной борьбе и этот козырь — инициативы сближения с СССР — так объяснять было бы, думается мне, слишком упрощенным. Да и наконец, что собственно теряем мы от этого свидания, совершаемого по явно не нашей инициативе? Что мы теряем от выдвижения во внутреннюю борьбу СХС в качестве одного из «козырей» — нашего «признания»?

Думаю, что не теряем ничего, а кое-что можем, даже и в таком случае, выиграть.

Может быть, еще успеете дать телеграфно окончательный ответ на вопрос о «свидании»⁴².

Хотя и запоздало, но Москва все-таки дала санкцию на проведение неформальной встречи Н. Пашича и М.М. Литвинова, однако свидание не состоялось. 3 июля 1926 г. Антонов-Овсеенко объяснял Г.В. Чичерину почему:

Нами было утром 30 июня сообщено Нешичу для передачи Пашичу, что Максим Максимович согласен свидетельствовать с ним в частном порядке в Карлсбаде в нейтральном месте днем в субботу 3 июля. Ответ нам обещан до 22 час <ов> 1 июля.

Ответ последовал утром 2 июля: здоровье Пашича так ухудшилось, что ему запрещено покидать постель; он с удовольствием поехал бы к Литвинову в Мариенбад или свиделся с ним в нейтральном месте в Карлсбаде, но просит ввиду своей болезни Литвинова навестить его в его квартире в Карлсбаде

⁴² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. Д. 53997. Папка 279. Л. 133–135.

«для сердечнейшего разговора». При этом Ключич передавал просьбу Пашича — не упустить этого случая.

В 11 часов 2 июля т. Калина передал по телефону т. Литвинову этот ответ югославов. Тов<арищ> Литвинов немедленно откликнулся: «Дипболезнь... Передайте, что я вызван экстренно и уезжаю в субботу из Чехословакии».

Я решил задержать передачу этого ответа югославам: сообщить им, что ответа пока нет, но что мы думаем наладить дело, если Нешич или Ключич отвезут лично Литвинову приглашение Пашича. Нешич был в отсутствии (в Карлсбаде), Ключич же заявил, что он весь день занят приемом «гостей», прибывающих из Югославии в Прагу на сокольский слет (в частности, нескольких югослав<ских> министров) и сможет поехать в Мариенбад автомобилем только после 8 часов вечера с возвращением ночью же в Прагу...

Я счел это, конечно, неприемлемым.

В ответ лично т. Якобсоном Ключичу заявлено: «Мы сообщили 1 июля Литвинову, торопившемуся с отъездом, что окончательный ответ будет ему передан до 22 часов в тот же день. Не получив до установленного срока ответа, Литвинов в связи с полученным им вызовом ускорил свой отъезд из ЧСР»⁴³.

Как известно, дипломатические отношения СССР с королевской Югославией были установлены только в июне 1940 г., когда облако нацизма уже вовсю накрыло Европейский континент и Вторая мировая война приближалась к границам королевства. Судьбы двух пресс-атташе — Романа Якобсона и Стевана Ключича, которые играли весьма заметную роль посредников в советско-югославских контактах второй половины 1920-х гг., сложились полярно противоположно.

В августе 1928 г. С. Ключич был уволен с югославской государственной службы по подозрению в работе на немецкую разведку. В дальнейшем он поселился в Берлине, где в 1936 г. на сербском, а в 1937 г. и на немецком языках вышла его книга «Пути немецкого возрождения», а также немало других пронацистских текстов и брошюр. В годы фашистской оккупации Сербии (1941–1944) Ключич вернулся в страну и активно сотрудничал с немецкой властью, он известен как организатор и директор большой Антимасонской (антикоммунистической и антиеврейской) выставки в Белграде (1941)⁴⁴. Есть версия, что после освобождения Белграда он был расстрелян за сотрудничество с оккупантами.

Роман Якобсон оставался на службе в советском полпредстве в Праге также до 1928 г. В дальнейшем он защитил диссертацию в Немецком университете Карла Фердинанда в Праге и получил место профессора в Брно, откуда бежал с началом Второй мировой войны. В конечном итоге Якобсон перебрался в США, чему в немалой степени способствовала его репутация энергичного и умелого коммуникатора славистического сообщества межвоенного периода.

Славистика, всегда тесно связанная с развитием национальных движений славянских народов, в XX в. вместе с их выходом на арену большой европейской и мировой политики также стала ее составной частью. И ученые-слависты играли в

⁴³ Там же. Л. 145–146. Н. Пашич скончался 10 декабря 1926 г.

⁴⁴ См. статью И. Антанасиевич об этой выставке в наст. разделе.

этой политике отнюдь не только пассивную роль жертв различных политических режимов и военных кризисов, но, напротив, как показывает пример Романа Якобсона и многих других специалистов (А. Белич, П. Буайе и др.), они имели свою собственную научную и общественную повестку дня, умели и даже преуспевали в разнообразном манипулировании политиками различного уровня для достижения своих целей. Идеи, теории, концепции и технологии, так же как их авторы и творцы, именно в XX в. стали непосредственно влиять на развитие политических, социальных и культурных институтов мирового сообщества, предлагая различные модели совместной реализации «своего» и «другого» интеллектуального и научного потенциала. Дальнейшие историко-биографические исследования на основе новых архивных материалов, несомненно, откроют еще многие, ранее неизвестные аспекты этого влияния.

Источники и литература

АВП РФ — Архив внешней политики Российской Федерации

АЮ — Архив Югославии

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации

Автономова 2009 — Автономова Н.С. «Славянское обозрение»: научные споры и культурная дипломатия // Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон — Бахтин — Лотман — Гаспаров. М.: РОССПЭН, 2009. С. 59–74.

Автономова, Гаспаров 1999 — Автономова Н.С., Гаспаров М.Л. Якобсон, славистика и евразийство: две конъюнктуры, 1929–1953 // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования / отв. ред. Х. Баран, С.И. Гиндин. М.: РГГУ, 1999. С. 334–340.

Ашнин, Алпатов 1994 — Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов»: 30-е годы. М.: Наследие, 1994.

Бахтина 1993 — Бахтина В.А. Славистические связи русской фольклористики 20-х годов (П. Богатырев, Р. Якобсон, Ю. Соколов) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М.: Наука, 1993. С. 297–323.

Бахтина 2015 — Бахтина В.А. Прага — Москва. Письма П.Г. Богатырева и Р.О. Якобсона к Б.М. и Ю.М. Соколовым // Функционально-структуральный метод П.Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора: Сб. ст. и мат-лов / отв. ред. С.П. Сорокина и Л.В. Фадеева. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2015. С. 318–386.

Генис 2009 — Генис В.Л. Неверные слуги режима: первые советские невозвращенцы (1920–1933). М.: Б/и, 2009. Кн. 1. С. 507–531.

Гланц 1999 — Гланц Т. Разведывательный курс Якобсона // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования / отв. ред. Х. Баран, С.И. Гиндин. М.: РГГУ, 1999. С. 354–362.

Кацис, Одесский 2011 — Кацис Л.Ф., Одесский М.П. «Славянская взаимность»: Модель и топика. Очерки. М.: Изд. дом «Регнум», 2011. С. 201–232.

Марченко 2016 — Марченко Т.В. Россия на страницах «Slavische Rundschau» // Литературный факт. 2016. № 1–2. С. 142–178.

Национальный вопрос 2000 — Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции: В документах центральных российских архивов начала — середины 1920-х годов. Ч. 1: Май 1922 г. — май 1924 г. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 253–254.

От чужих к своим 2016 — От чужих к своим. Письма выдающихся представителей русской интеллигенции начала XX века Александру Беличу / сост., подгот. текста и ком-

- мент. Н. Благоевича, А. Мичич и И. Мрджа; общ. ред. К. Ичин. Белград: Логос, 2016. С. 307–316.
- Робинсон 2004 — *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М.: Индрик, 2004.
- Сорокина 2000 — *Сорокина М.Ю.* «Ненадежный, но абсолютно незаменимый»: 200-летний юбилей Академии наук и «дело Масарика-Якобсона» // In *Memoriam: Исторический сборник памяти А.И. Добкина*. СПб.: Феникс; Париж: Atheneum, 2000. С. 117–142.
- Сорокина 2016 — *Сорокина М.Ю.* Эмигрант № 1017: Роман Якобсон в московских архивах // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2016. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2016. С. 73–92.
- Стайнер 2018 — *Стайнер П.* Which Side Are You on, Boy?»: Роман Якобсон в Праге межвоенного периода // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2018. Т. 9, № 1. С. 13–28.
- Станков 2018 — *Станков Н.Н.* Образование Малой Антанты в документах миссии Красного Креста РСФСР в Чехословакии (1920–1921 годы) // *Славянский альманах*. 2018. № 3–4. С. 152–172.
- Якобсон 2012 — Роман Якобсон. Будетлянин науки: Воспоминания, письма, статьи, стихи, проза / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Б. Янгфельдта. М.: Гилея, 2012.
- Konečný, Polley 2014/2015 — *Konečný K., Polley I.* Roman Jakobson and Czechoslovakia in the context of Czechoslovak-Soviet relations (1920–1969) // *Modern Greek Studies Yearbook. A Publication of Mediterranean, Slavic, and Eastern Orthodox Studies*. 2014/2015. Vol. 30/31. P. 145–170.
- Letters and Other Materials 1994 — *Letters and Other Materials from the Moscow and Prague Linguistic Circles, 1912–1945* / ed. by J. Toman. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 1994.